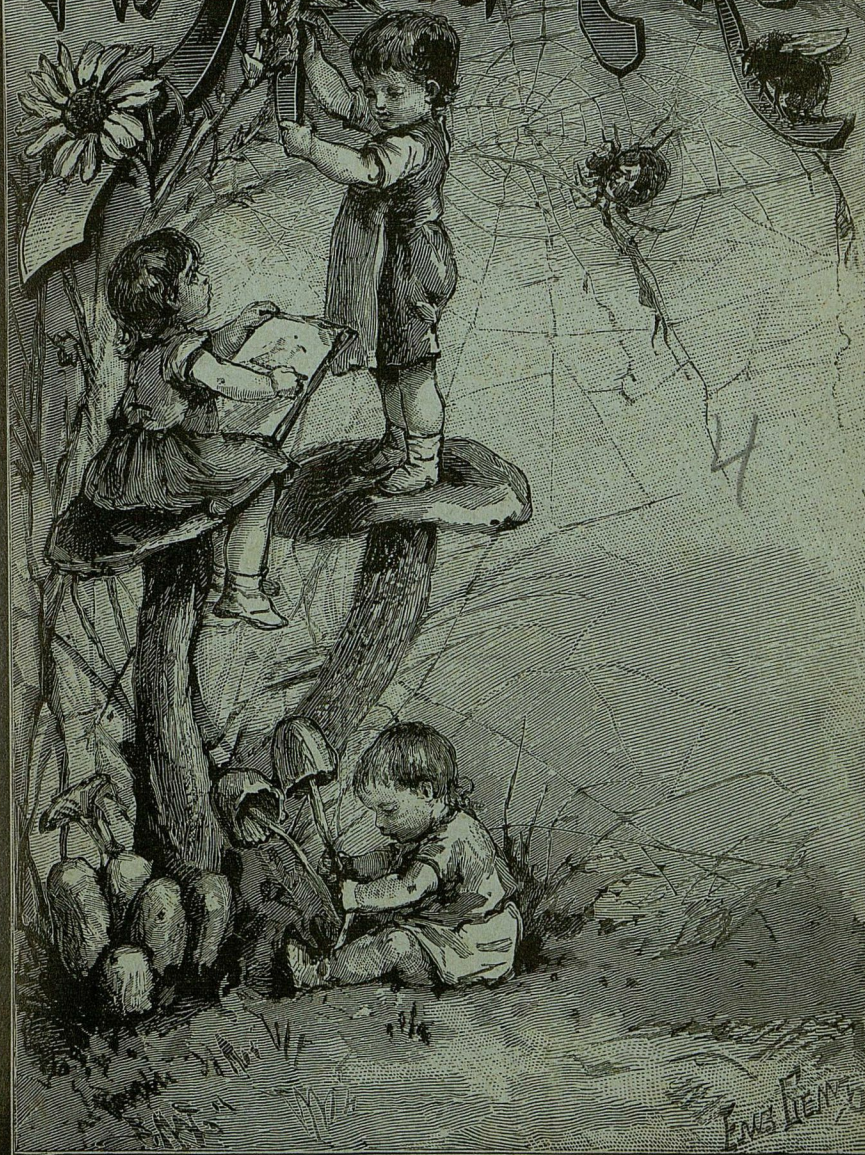

ДЛЯ МАЛЮТКЪ

„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“
ОСОБЫЙ ОТДѢЛЪ
журнала «ИГРУШЕЧКА».

1895.

АПРѢЛЬ № 4.

~~~~~  
ГОДЪ СЕДЬМОЙ.  
~~~~~

СОДЕРЖАНІЕ.

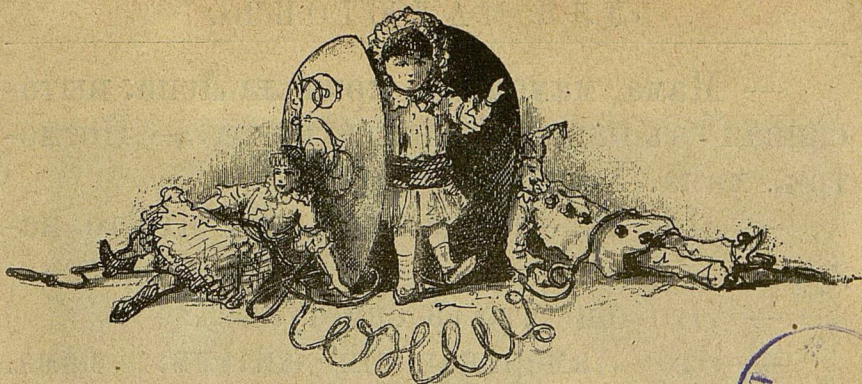
	СТР.
I. Вернулись съ вербы. Съ двумя рисунками въ текстѣ. <i>Бумъ-бумъ</i>	49
II. Путешествіе Милашки. Съ рисункомъ въ текстѣ. <i>А. К. Владиміровой</i>	54
III. Папины сказки. <i>Зика</i>	60

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Адресъ редакціи: Фурштадтская, д. № 44.

ВЕРНУЛИСЬ СЪ ВЕРБЫ.

Дѣти вернулись съ вербы и, не раздѣваясь, пошли гурьбой въ комнату мамы.

— Бѣдныя!—воскликнула мама, увидѣвъ своихъ дѣтокъ съ большущими пакетами.— Да вы, кажется, закупили все, что было на вербахъ?!.. Показывайте по очереди.

— Я прежде покажу,—кричала Лена, самая старшая изъ дѣтей—ей было уже семь лѣтъ.

И она съ серьезнымъ видомъ начала развязывать пакетъ.

— Нѣтъ, я прежде!—кричалъ пятилѣтній Митя, снимая съ себя шапку и пальто.

— Я, я,—пищала трехлѣтняя Нютуля,—у меня иицко, мама, посмотри, у меня иицко...

— Милая, да ты въ башлыкѣ. Няня, раздѣньте ее!.. И въ гамашахъ... бѣдная!.. Скорѣй раздѣньте ее, няня, посмотрите, какая она красная. Ей страшно жарко.

— Мама, мамочка!—кричала Лена, вытаскивая изъ пакета большую куклу...—Посмотри, мама. Хороша?

— Пи, пи,—пищаль Митя, что-то надувая.

— Это еще что за свистулька?

— Это «американскій житель», мама. Онъ изъ Америки...

— А зачѣмъ у него рога?

— Какъ зачѣмъ? Онъ, мама, изъ Америки пріѣхалъ... Пи, пи, пи!..

— Ну, такъ чтожъ что изъ Америки. Развѣ въ Америкѣ люди съ рогами. Что ты, Митя.

— Ахъ, мама, да вѣдь ты въ Америкѣ не была. Всѣ мальчики говорятъ, что это «американскій житель»; они всѣ кричатъ: «житель», «житель», значитъ, они знаютъ, мама...

И Митя, не слушая болѣе мамы, сталъ изо всей силы надувать черезъ трубочку гутаперчеваго «жителя», который, по мѣрѣ того, какъ изъ него выходилъ воздухъ, страшно пищаль...

— А у меня иицко,—повторяла Нютуля.

Она сидѣла въ глубокомъ бабушкиномъ креслѣ и гладила своей крошечной ручкой красненькое яичко.

— Какое славное яичко,—сказала мама, глядя на нее съ любовью.

„Собачки, видите у меня и-и-цко!..“

— Посмотри, мамуся,—сказала Лена,—какую я купила старуху.

Лена нажала скрещенную, какъ ножницы, машинку, и старуха вытянулась на цѣлый аршинъ...

— Ахъ, какая она страшная,—сказала мама.

— А посмотри, мамочка, какой я купилъ звѣринецъ... А мельница какая! смотри, смотри, какъ она крыльями машетъ... А вотъ этого коня я купилъ дворникову мальчику... Хорошъ конь, мама? Будетъ онъ радъ?..

— Конечно, будетъ... Его на вербу не водили.

— Мамочка,—говорила Лена,—а я Машуткѣ прачкиной купила шкатулочку съ ключикомъ?

— Прекрасно сдѣлала. Она въ нее будетъ прятать работу.

— А у меня и-и-ц-ко,—тянетъ сквозь сонъ Нютуля...

— Да ты совсѣмъ спишь, моя крошка,—говорила мама, подходя къ дочкѣ.

— Сплю.

— Пойдемъ въ кроватку, мое золото!—и мама взяла ее къ себѣ на руки.

Нюточка обвила шею мамы крохотной ручкой, а другой крѣпко сжимала красное яичко.

Потомъ она вдругъ прижалась своими

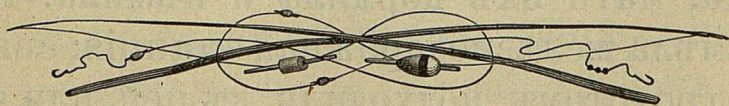
пухленькими губками къ губамъ мамы и пролепетала: «Хлисторъ восклесе!» затѣмъ тихо опустила головку. Мама съ своей дорогой дочкой направилась въ дѣтскую... Когда мама ее раздѣла, то Нютуля захотѣла показать яичко своимъ собачкамъ. Когда на нее надѣли ночную рубашечку, она опустилась у лѣстницы на коверъ и, увидя издали собачекъ, закричала: «Собачки, видите у меня и-и-цко!..» И собачки всѣ три разомъ потянулись къ ней...

— Знаешь, Лена,—сказалъ въ какомъ-то упоеніи Митя,—самое хорошее изъ всего, что я купилъ все-таки «американскій житель». Только вотъ что, зачѣмъ у него рога, когда у всагомдѣлишнаго ихъ нѣтъ? Мама сказала, нѣтъ, значитъ, нѣтъ...

— Пожалуйте, господа, спать. Завтра надо яйца красить, куличи убирать, пасху дѣлать. А послѣ завтра и Христосъ воскресетъ!— и няня набожно перекрестилась...

— Зачѣмъ же «жителей» дѣлаютъ съ рогами, когда у живыхъ американскихъ жителей ихъ нѣтъ!—продолжалъ безпокоиться, Митя.— Не понимаю...

Бумъ-бумъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ МИЛАШКИ.

Мѣстомъ рожденія Милашки былъ просторный чердакъ, въ окно котораго заглядывали душистыя вѣтви черемухи; спальней Милашкѣ служила широкая корзина съ мягкой подстилкой; ласково мурлыкая, облизывая Милашку и ея новорожденнаго братца, мать ихъ кормила и нѣжила. Внизу шумѣла желѣзнодорожная станція; свистя и съ грохотомъ подходили къ ней, или проносились мимо поѣзда, звенѣлъ колоколь-

чикъ, вносили и выкатывали тяжелый багажъ, но въ большой корзинѣ на-верху малютки спали мирно: мать покоила ихъ и баюкала, ласково мурлыкая.

Спустя недѣли три по появленіи на свѣтъ, котятки смекнули, что слабыя ножки ихъ сдержатъ, когда они станутъ карабкаться вонъ изъ корзины; они и вылѣзли, попробовали погулять, сначала осторожно, потомъ стали бѣгать, прыгать, кружиться, догоняя свой собственный хвостикъ, забираться на спину своей мамы и возиться другъ съ другомъ. Мать не нарадовалась на своихъ дѣтокъ; они, въ самомъ дѣлѣ, были премылыя кошечки: котикъ родился въ мать, сѣрый съ бѣлыми лапками, а сестра его была вся бѣленькая, мягкая, какъ пушокъ, лишь на бѣломъ ея хвостикѣ отпечатывались три преуморительныя и красивыя кольца. Милашкой прозвалъ ее дядя Софронъ, который часто приходилъ на чердакъ за мѣшками, или кожаными сумками: онъ въ нихъ привозилъ и отвозилъ письма, а мимоходомъ всегда ласкалъ Милашку.

Сошли малютки внизъ, обнюхали конторку, скамьи, двери, всякій уголокъ, вскочили на окно, полюбовались на садикъ

вокругъ станціи; но тутъ вошла мать и позвала ихъ на верхъ, запретивъ дѣтямъ сходить безъ нея съ лѣстницы. Милашка сошла однакожъ на другой же день, пока мама кормила ея братца. Очувившись въ большой комнатѣ, она еще разъ осмотрѣла ее и, увидѣвъ на полу большую кожаную сумку, рѣшила въ ней спрятаться отъ мамы и брата:—«Пусть ихъ поищутъ, а я посмѣюсь немножко, да вдругъ на нихъ и выскочу»,—подумала шалунья.

Забралась она въ самый дальній уголъ, свернулась клубочкомъ; не прошло десяти минутъ, какъ она уснула. И вдругъ, пришлось проснуться, но выбѣжать она не успѣла: на нее что-то посыпалось, слегка ее шлепая, запечатанные конверты полетѣли туда счетомъ, мѣшокъ встряхнули, слегка ее придавивъ къ углу и, не успѣла Милашка опомниться, какъ уже звякнулъ колокольчикъ, запыхтѣлъ прибывшій поѣздъ... Милашку вынесли, бросили ее объ стѣнку такъ, что всѣ косточки ея чуть не хрустнули, поѣздъ покатилъ далѣе...—Мама! мама, спаси меня! — въ отчаяніи запищала малютка. И тутъ же догадалась, что напрасны ея крики: поѣздъ уносилъ

ее съ быстротою вѣтра, мѣрно постукивая, останавливаясь лишь изрѣдка. Милашкѣ было душно безъ воздуха и тѣсно лежать. А голодъ-голодъ давно уже ее мучилъ... Но что же ей было дѣлать?—О, мама, мама!—пищала она, пока наконецъ не заснула въ горѣ и слезахъ.

Поѣздъ все мчался и лишь на слѣдующее утро остановился въ большомъ городѣ. Милашку вынесли, кинули ее въ мѣшкѣ на столъ: она едва дышала отъ усталости и голода. Мѣшокъ схватили за углы и вытрясли все, что въ немъ было, вытряхнули изъ него и ошеломленную такой дальней дорогой, измученную кошечку.

— Ба! ты зачѣмъ тутъ? Знаю я этотъ хвостикъ съ колечками. И пушистую эту Милашку знаю!—раздался знакомый ей голосъ ласковаго дяди. — Вотъ такъ проказница: вздумала прокатиться, да еще и безъ билета!—шутилъ старикъ. Однакожь, слыша жалобный пискъ Милашки, онъ сходилъ за молокомъ, налилъ ей цѣлое блюдечко и придумывалъ, какъ бы ее поскорѣе вернуть на родную станцію, взялъ кошечку на руки, когда она все подлизала на блюдцѣ, и не спускалъ ее на полъ, чтобъ она здѣсь не потерялась.

Въ этотъ день не его была очередь ѣхать обратно, но онъ просилъ товарища, отправлявшагося черезъ часъ — доставить его посылочку по адресу.

Товарищъ общалъ.

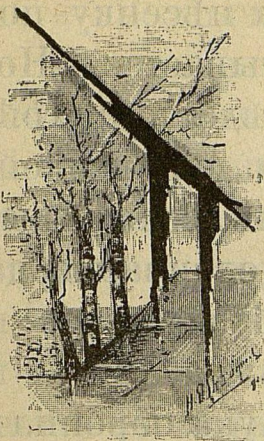
Дядя Софронъ досталъ тогда ящикъ съ надписью «Хрупкій товаръ», подстлалъ на дно сѣнца, покормилъ Милашку на дорогу еще разъ и, посадивъ ее въ ящикъ, прикрылъ полотенцемъ и прибилъ вмѣсто крышки двѣ-три дощечки, оставляя щелки для воздуха.

— Отправляйся восвояси, безбилетница! — сказалъ онъ кошечкѣ, отдавая товарищу «хрупкій товаръ», который и былъ бережно доведенъ по назначенію.

Какова была радость Милашки, когда мама принялась ее ласкать и облизывать съ дороги! А мама ея была такъ счастлива при видѣ дочки, которую уже считала пропавшею, что даже и не побранила ея, зная навѣрное, что вторичное ея путешествіе въ почтовой сумкѣ никогда уже не можетъ повториться.

А. К. Владимірова.

ПАПИНЫ СКАЗКИ.

апа очень мало бываетъ съ нами; онъ каждый день ходитъ на работу или сидитъ дома у себя въ кабинетѣ, пишетъ и читаетъ. Когда онъ приходитъ поговорить и поиграть съ нами, мы обступимъ его всѣ кругомъ и просимъ рассказать какую-нибудь сказку, и иногда онъ выдумываетъ смѣшныя и забавныя сказки, которыя намъ всѣмъ нравятся. Онъ садится на оттоманку, а я, Адя и Тата садимся около него и слушаемъ, только Боба мѣшаетъ,—лазитъ у папы по ногамъ, на плечи и все перебиваетъ, — не даетъ говорить.

Хотите, я вамъ буду рассказывать папины сказки.

У ОРЛА ВЪ ГОСТЯХЪ.

Жиль-быль одинъ добрый человекъ, котораго звали Лукой, у него были дѣтки-малолѣтки. Поѣхалъ разъ Лука пострѣлять дичинки. Конь у него добрый, статный да горячій, идетъ, ноздри раздуваетъ, да ко-

пытами постукиваетъ, а Лука пѣсенку по-свистываетъ, да коня похлестываетъ:—Но, но, но, Вороной! Ёдетъ часъ, ёдетъ другой, то лужкомъ, то лѣскомъ, то опушкой, вдругъ... волкъ, большой сѣрый волкъ, выскочилъ изъ лѣсу, зубами пощелкиваетъ, да прямо на Вороного. Вороной рванулся и побѣжалъ во всю мочь, волкъ за нимъ, и бросился Вороной въ озеро. Лука обронилъ ружье и самъ упалъ съ коня въ воду, плылъ, плылъ и доплылъ до дерева, которое росло посреди озера. Тѣмъ временемъ волкъ подобралъ ружье, догналъ Вороного, сѣлъ на него, да и поѣхалъ, какъ будто настоящій охотникъ, и скоро съ глазъ скрылся.

— А когда ля буду больсой, у меня будетъ лужье, настоящее, и ля подстѣблю волка и тетъ субу сдѣлаю,—прервалъ Боба оживленно.

— Замолчи, не мѣшай, мальчурà,—закричали мы.

Такъ, вотъ, влѣзъ Лука на самую верхушку дерева, мокрый весь, хоть выжми, дрожить отъ холода, какъ въ лихорадкѣ, зубъ на зубъ не попадаетъ.

— Ему надо акониту дать, — вскричалъ Боба.

— Замолчи!..

Развѣсилъ Лука все свое платье по вѣточкамъ, а самъ бѣдный, голенькій, сидитъ да на солнышкѣ грѣется, а какъ платье высухло, одѣлся Лука, привязалъ себя поясомъ къ дереву, чтобъ не упасть, да и уснулъ и спалъ такъ цѣлую ночь. Утромъ проснулся Лука и слышитъ, что его кто-то долбитъ въ макушку — тукъ, тукъ! Посмотрѣлъ — орелъ, большой, сильный, да сердитый орелъ, — не справиться Лукѣ съ такимъ сильнымъ орломъ и убѣжать нельзя — кругомъ вода, еще больше, чѣмъ было вчера. Спрашиваетъ Лука: «чего тебѣ надо, орелъ?» — Я хочу тебя снести моимъ дѣткамъ въ гнѣздо, они ѣсть хотятъ. — Не трогай меня, — говоритъ Лука, — у меня тоже есть дѣтки-малолѣтки; помоги лучше мнѣ добратъся до дома, а я тебѣ дамъ выкупъ: два теленочка, да два ягненочка, да двѣ курочки, да два гусеночка. — Подумалъ орелъ и стало ему жалко человѣка съ дѣтками-малолѣтками, да и выкупъ хорошъ. «Хорошо, говоритъ, садись на меня, я тебя унесу». Но Лука струсилъ, побоялся сѣсть на орла.

— А ля хлаблый!.. — началъ тараторить Боба, — ля не испугалюсь!.. у меня будетъ лузье настоящее!..

Нѣтъ,—говорить Лука орлу,—ты лучше принеси мнѣ веревку, да подлиннѣе. Орелъ принеси веревку. Лука привязалъ веревку однимъ концомъ за дерево, а другой конецъ далъ орлу и велѣлъ привязать за другое дерево, которое росло на берегу, на сухомъ мѣстѣ. И вотъ полѣзъ Лука по веревкѣ, хватаясь руками крѣпко — крѣпко; онъ хорошо умѣлъ лазить и любилъ гимнастикой заниматься. Только чувствуетъ Лука, что веревка-то рвется, закружилась у него со страху голова, и упалъ Лука, да такъ сильно ударился объ воду, что потерялъ сознание и навѣрное утонулъ бы, если бы не орелъ. Орелъ схватилъ Луку бережно своими большими, сильными лапами и понесъ къ себѣ въ гнѣздо. Высоко-высоко взвился орелъ надъ землею, летѣлъ онъ надъ лѣсами, надъ морями, надъ высокими горами, пока не прилетѣлъ къ самой высокой горѣ, такой высокой, да такой крутой, что если на нее снизу смотрѣть, такъ шапка съ головы валится. А внизу подъ горой—море. Здѣсь-то на горѣ и было орлиное гнѣздо, а въ немъ четыре орленка, сидятъ, крыльями болтаютъ, да рты разѣвываютъ — «вотъ несутъ намъ чѣмъ полакомиться!» Они думали, что съѣдятъ Луку.—

«Не смѣйте трогать»,—сказалъ имъ большой орель,—«это нашъ гость, онъ ушибся—ухаживайте за нимъ, а я вамъ принесу пищи». Сказалъ и улетѣлъ, а орлята стали играть съ Лукой, прыгали по немъ, теребили его за платье, за волосы, за носъ, пока не разбудили, а когда онъ проснулся, начали разговаривать съ нимъ и угощать лакомствами—кто птичьей головкой, кто мышинымъ хвостикомъ, кто-чѣмъ... только не нравилось все Лукѣ, хотѣлъ онъ выйти изъ гнѣзда, да какъ взглянулъ, голова закружилась—такъ высоко было гнѣздо, и ни за что не слѣзть человѣку съ такой крутой скалы, а внизу еще море. На бѣду прилетѣлъ орель съ подбитымъ крыломъ, и рассказалъ, что какой-то охотникъ, съ виду похожій на волка, на вооруженномъ конѣ, подстрѣлилъ ему крыло,—не могъ уже онъ поднять Луку. Такъ Лука и жилъ съ орлятами въ гнѣздѣ нѣсколько дней, пока орлятамъ не позволили вылетѣть,—они уже были большіе. Попробовавъ свои крылья, орлята сказали, что они сильные, и всѣ четверо легко понесли Луку изъ гнѣзда, а онъ къ тому же сталъ маленькій—отощаль, не ѣвши. Принесли орлята Луку домой, встрѣтили его всѣ дѣтки-малолѣтки,

радовались и играли съ орлятами, а потомъ Лука далъ орлятамъ, какъ обѣщалъ, — два теленочка, да два ягненочка, да двѣ курочки, да два гусеночка, и понесли орлята добычу къ себѣ въ гнѣздо. Летѣли они, летѣли, да сильно устали, спустились на землю, привязали одного теленочка къ дереву и полетѣли домой съ остальнымъ добромъ — «потомъ, говорятъ, прилетимъ и тебя возьмемъ». Тѣмъ временемъ ѣдетъ сѣрый волкъ на ворономъ конѣ, видитъ теленочка на привязи, и захотѣлось ему полакомиться вкусной телятинкой, привязалъ онъ ружье къ сѣдлу и спрыгнулъ съ коня, а въ этотъ самый мигъ прилетѣли орлята, накинулись на волка, схватили его и понесли къ себѣ и его, и теленочка, Вороной же побѣждалъ къ своему хозяину, что было силы. То-то былъ радъ Лука и его дѣтки-малютки, когда увидѣли Вороного съ ружьемъ, — долго ласкали, да гладили его.

На другой день поѣхалъ Лука пострѣлять дичинки. Ѣдетъ часъ, ѣдетъ другой, то лужкомъ, то лѣскомъ, вдругъ... волкъ. Вороной рванулся и въ озеро...

— Да, папа, это то же самое...

Зина.

